

Эдем Оразлы вспоминает: «На сборы нам дали 20 минут»

Эдем Абдулаевич Оразлы родился в 1930 году в селе Козы, в Крыму. В 1944 году был депортирован в Узбекистан по национальному признаку как крымский татарин. Реабилитирован. Живет в Москве.

Начало войны

Меня зовут Эдем, Эдем Абдулаевич, фамилия моя О-раз-лы. О-раз-лы. Родился я в Крыму в 1930 году.

Мои предки, предки: отец и мать происходят из Судакского района, деревня Козы называется, Козы.

Я, значит, у себя там дома, учусь уже в пятом классе. Это был 41-ый год, в пятом классе я учусь, и вдруг объявляют - началась война. «22-го июня, ровно в четыре часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война» - помните песню, да?

И что вы думаете? В октябре, буквально, вот война началась, вот в июне, да? В июне началась война, уже в октябре немцы захватили Крым. отца сразу забрали на фронт, я остался, значит, с бабушкой, вот. Ну, бабушка говорит: «Сынок, – говорит, – тетя одна там, давай, – говорит, – переедем туда. Все равно ты же не учишься», – оккупация была, вот. Мы переехали в дом к бабушке, в деревню Козы. Это Солнечная долина. И тетя туда приехала со своим сыном. И самое для меня было страшное, да и не только для меня, но и для жителей этой деревни: два с половиной года были под колпаком/. Будем говорить так, слово такое жесткое, подобрать не могу, неважно, в общем, под немцами. Они издевались очень сильно.

Мы оказались в кольце со всех сторон, вот. Ну, выжили, что делать. Так вот, конечно тяжело было очень. И вот значит, наступил 44-ый год, да? Да. В апреле месяце – ура! наши пришли.

Смотрим – наши танки – о-о-о, блин! И вот они проходят сюда, обнимаемся, целуемся, наши пришли – ура! – освободили нас. Это было 13 апреля, я отлично помню. Понимаете? 13 апреля освободили нашу деревню.

Начались уже, так сказать, уже наши хорошие времена. Самое интересное для меня было, самое радостное, в первые же дни мне приносят письмо от отца.

Рассказывает про себя, что он уже офицер, что первое время он был, так сказать, рядовым.

Угон

13 апреля нас освободили, первый раз наши пришли – а 18 мая, значит, по приказу, будем говорить, Сталина нас стали выселять. А как это было, я подробно расскажу, это очень такая трагедия. Дело в том, что 17 мая, еще до начала репрессий, ходили по домам/. Да, приехала колонна машин, колонна машин наших, остановились, выгружаются, в основном солдаты.

Ну, что-то такое, непонятно было. И когда я вернулся, у нашего дома с бабушкой разговаривает офицер один. Ну, бабушка по-русски не понимает, он спрашивает, сколько человек здесь живет, наверное, как будто бы, да, а она – то-то-то-то – по-татарски, да. А когда я вернулся, он опять стоит. «Вот он уже второй раз уже приходит, спроси, что ему надо», - говорит. «Что-то он такой» - мы обратили внимание, у него взгляд очень недобрый. Я говорю: «Что вам надо?» «Вы здесь живете?» «Да». «А кто здесь живет?» - Я говорю: «Ну, как, мы здесь живем». «А кто это мы, сколько вас человек?» – Я говорю: «Я, тетя, ее сын Ситибрам и бабушка». «Четверо вас? Двое детей и двое взрослых?» - «Да». Записал и ушел. Все. И пошел к другим людям, к другим соседям. «Что ему надо?» - «Не знаю, он спросил, сколько человек». - «А, наверное, часть прибудет, они ищут место, где поселить».

на следующий день – это очень важный эпизод – в три часа ночи, сильный стук в дверь. Ну били, я не знаю, сапогом или прикладом, я не знаю, очень сильный такой стук в дверь. Бабушка говорит: «Кто-то там стучит?» - она первая проснулась. «Что такое, может, что-то случилось?» - то-то-то-то-то. Она открывает, она не открывает, а по-татарски спрашивает: «Кто там? – [говорит по-татарски] – Кто это?» «Открывай быстрее!» Я говорю: «Бабушка, это наши, не немцы». Она думала, что это немцы опять вернулись. «Бабушка, это наши, не немцы, по-русски говорят, – открывай». Открыли: «Что вам надо?» Открыли, в это время тетя проснулась. У нас там электричества не было, керосиновая лампа. Зажгли керосиновую лампу, бабушка/, держит тетя.

Он солдат/, не солдат - офицер. А его окружает еще двое солдат с автоматами. «Двадцать минут на сборы! Через 20 минут, чтобы были готовы». Опять не поймем, что такое. Бабушка: «Что он сказал?» Говорю: «Бабушка, а может, землетрясение было, а мы не услышали. А может, что-то такое или бои будут». Не поймем. «Ну, быстро, раз у нас на сборы 20 минут». Бабушка: «Так чего брать с собой?» «Давай покушать там возьми, там это».

И вот то, что можно взять/. Постелили платочек на пол, платок свой и кидает туда вещи, которые там это/. Все! И через 20 минут этот офицер приходит. А мы немножко задержались там, тетя плачет. Она уже один раз была в такой ссылке, понимаешь ты, она чувствует что-то не то. Ну, вот, значит, нас выгнали. Дверь открытую оставили, все осталось как есть. И загнали весь/, всю деревню. Там, на окраине деревни был/, конюшня была колхозная. Огороженный большой, высокой стеной двух метровой высоты забор, и всех туда загнали. У входа стоит часовой, больше не пускают, на пригорке там стоял, значит недалеко пулемет, на всякий случай. Никто ничего не знает, что будет, чего будет, но все говорят, наверное, бои будут, чтобы мы не попали, то-то-то-то, успокаивают друг друга. Вот. Ну, оказалось совсем другое дело здесь, приказ, нас вывезти оттуда. И самое интересное, что люди с собой ничего не могли взять толком, понимаете. За 20 минут. Ну на что ты спросонья, поймешь о чем речь? Понимаете? Вот. Ну, кто-то чего-то там захватил, но/. Подъехали машины, полуторки там и трехтонки раньше там были такие, Студебекеры редко были – американские машины. И вот, значит, грузят: «Давай туда!» Если у тебя там/, какую-то там захватил там лишнюю вещь, из рук вырывают. На нашей машине 48 человек было. Это еле-еле, держались друг за друга – понимаете? - стоя, сидеть там невозможно было. Понимаете?

Этап в Узбекистан

Мы ждали, и самое страшное было. Вот собрали кучу, 48/, сколько-то семей, допустим, считая, сколько человек. Пять семей, допустим, десять семей там, не знаю, вот круг - на одну машину. А там тетя: «Давай, мы объединимся!» «Нет, нельзя! В Феодосии разберетесь. Вас в Феодосию везут». Или брат двоюродный: «Давай его сюда!» «Нет, нельзя!» Понимаете? Люди погрузились, вещи остались, «Дай!» «Нет! Там уж и так – полно!» То есть, вот так вот издевались. Это команда Берия работала, это уже не то, что наши. Это ужасно было! Понимаете? Люди плачут: «Ну, дайте хоть вот этого для детей/, кушать!» - то-то-то-то-то. Все. И вот усыпаны чемоданчики, усыпаны тюки, усыпаны там вещи, там это – вся площадь вот эта вот, конюшный двор, - вещи оставались у людей, понимаете. Из рук вырывали даже солдаты, - а может, для себя, я не знаю - вырывали солдаты, бросают, лишь бы погрузить людей – такая задача была. Ужасно! А люди не поймут, понимаете, что это такое, какой-то кошмар был в этот день.

Вот приехали мы в Феодосию. Самое интересное – это было уже к вечеру 18-го числа. Вагон открытый, задним ходом машина подъезжает к открытому вагону, и говорят: «пересаживайтесь». И старик, который не мог ходить, его тоже перетащили, первым его посадили там в углу, там. Вы знаете, честно говоря, уже темно стало, ничего не видно там, перебрались, вагон закрыли на защелку. Вот сидеть невоз/. 48 человек в этом вагончике небольшом.

Ну, едем. В туалет надо. Дверь закрыта на засов, не откроешь. И что дальше? Вот мы, значит, пытаемся, там стучим, там кричим: «Откройте, откройте!» Нет, никому дела до нас.

И вот так ехали. И единственное, что нас впервые покормили, это когда мы доехали до Саратова, я не помню, сколько это было времени. У Саратова дали 6 буханок черного хлеба на 48 человек, кинули в вагон.

Нас везли, короче говоря, на протяжении 25 суток. Представляете? Вот из Крыма до Средней Азии, до Ташкентской области. Называлась станция Беговат и место, куда нас привезли, называлось ДВЗ №1. А ДВЗ расшифровывается так: Дальняя Высылочная Зона, Дальняя высылочная зона. Отделение 3.

Первое время нас вообще выбросили, жили где-то там под деревьями. Там рядом был чайхана, и вот в этой чайхане, значит, был пруд запруженный. Недалеко от пруда там деревья, под деревьями мы спали. Никого, никто нами не интересовался.

Вот даже слух прошел, это, может, специально распустили, вот Сталину доложили, что нас выслали, он сказал: «Безобразие, вернуть всех назад!» Это, может, специально распространяли, чтоб народ не гневался. Понимаете? Был такой слух. тогда приехали туда уже, то-то: вот Сталин сказал, что нас возвращать надо, понимаете. То есть, о Сталине всегда шел такой разговор, что он очень хороший, добрый человек. Понимаешь?

Ну, первый год мы, конечно, очень были в тяжелом состоянии. Почему? Продуктов не было, питания не было, одежды не было. И поэтому/. Значит, война шла, до нас никому дела не было. Местное население тоже страдало, потому что родственники на фронте, вот, тоже трудная была жизнь материальная, была.

Но самое интересное, что я в основном уже был мальчишка, который мог, как-то чего-то такое промышлять. Старался чего-то такое помочь нашим, семье нашей, чем-то помочь, значит, выжить. Потому что, я видел, люди в основном умирали от голода, от болезней. Там страшная малярия тогда – болезнь от комаров этих вот. И вторая болезнь, так сказать, от голода, будем говорить так.

Вот рядом, где мы жили, значит, у больницы, будем говорить так. Все коридоры, значит, больница не в состоянии/. Там 20 коек, что ли, было в этой больниц е вообще, в общей сложности. Все коридоры забиты, все поляны вокруг были забиты людьми, лежали, ждали своей очереди, когда их примет врач. Но, правда, врач ходил по территории спрашивал там чего, как там, но: «лекарств нет, вот лежите так», то-то-то-то. Понимаете? Вот люди умирали. И до этого там не было специального, вырыли, ну--- полу подвальную, то есть, это, землянку. Землянку, накрыли, туда, значит, мертвых, а потом узбек один – Ирга-Шака, - Ирга-Шака его звали, - Иргаш – он на подводе/. Одноглазый вол/. Вол, знаете, да? Одноглазый вол вывозил каждый день целую гору этих вот умерших людей. И там траншею рыли и в эту траншею, он засыпал и опять приезжал, и вывозили без конца. Всех брезентом накроют, руки, ноги торчат по бокам, все равно везет их.

Вот такая история была, первый год, в общем, народу очень много погибло. В общем, в первый год, вот можно считать, что 50 процентов населения крымских татар, которых выслали, они погибли. Понимаете? Погибли от вот от голода, от болезней. Их некому было лечить, некому дела до этого не было, вот.

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Иван Купцов (Москва)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© Международный Мемориал 2011